

Сам себе журналист

Такая жизнь прожита...

Но человеку с именем Мэлор (Маркс, Энгельс, Ленин, Октябрьская революция) так было на роду написано. Столько взлетов и падений, удивительных встреч и мимолетных находок, компромиссов и все-таки побед – это и есть журналист Стурау.

Недавно ему исполнилось 90, и очень хочется пожелать Мэлору здоровья, прежде всего здоровья. Сегодня со страниц «МК» он решил сказать нам о чем-то самом сокровенном, важном... Ведь что наша жизнь? Игра. А ведь Стурау всегда играл по-крупному, и его ставка порой была больше, чем жизнь.

«С КГБ я чист как стеклышко»

– Мэлор Георгиевич, много прожито, пережито. Есть что вспомнить, есть что сказать. Есть, может быть, то, что не хочется вспоминать, то, что хотелось бы переиграть, переделать, если бы такое было возможно?

– Ну, за 90 лет, безусловно, бывали, конечно, события и поступки, которые я бы сейчас не совершил и которые в какой-то степени умаляют меня в моих же глазах. Но говоря откровенно, я не могу сказать, что был подлецом, что был человеком, который, «колебаясь» с линией партии, как у нас говорили, совершал какие-то именно такие поступки.

– Но вы же были политическим журналистом, им и остаетесь. В советское время это была номенклатура, не совсем свободная, которая должна была выполнять генеральную линию. В свое время вы же были ярким антиамериканистом, да?

– Разумеется. Я же говорил, что колебался с линией партии. Да, я был журналистом, который в основном писал, в особенности в

свой московский период, даже когда был корреспондентом в США, о том, что надо было писать. Я бы не сказал, что нарочито недобросовестно, нет, наоборот, я пытался сообщать фактуру того, о чем я писал. Почему читали мои очерки? Все знали, что, конечно, там будет небольшой слой пропаганды, идеологии, а потом будет просто интересно, ибо я описывал то, что я видел в Америке, поэтому мои очерки были как бы двуслойные. С одной стороны, конечно, антиамериканизм, но с другой – было очень много познавательного. И мой читатель, будучи, конечно, умным читателем, умел отделить верхний слой необходимой пропаганды и ту фактуру, суть, которую он впитывал в себя. Мои очерки, скажем, о США, были в основном построены на этой двусмысленности.

– А зачем вы писали статью против Виктора Некрасова? Было такое?

– Было. Это был заказ. Моя статья называлась «Человек с тросточкой». Она была направлена против Виктора Некрасова и, естественно, написана по заказу. Заказ я выполнил, но не преуспел в этом деле. Было написано лихо все, не в этом дело, а в сути. Сама суть была, конечно, позорна. И это был не единственный материал. Я написал другую статью, называлась она «Встреча в Челси». Был такой человек Виктор Кротков. Очень слабый человек, я помню его по Москве, мы вместе встречались, девочек к нему водили, пардон, но потом он взял и уехал. В Челси я его увидел.

– В Англии?

– Да, в Англии. Захотел с ним заговорить, но он, завидя меня, буквально с быстротой молнии куда-то шарахнулся. Видимо, он испугался меня, черт его знает. Я все-таки был корреспондентом «Известий».

– Да, газеты президиума Верховного совета СССР. То есть были официальным человеком.

– Но я вот думаю: бежал ли этот Кротков от меня, как от

человека, который представляет газету, или ему было стыдно? Все-таки наши встречи были сугубо сексуальные, в том смысле, что я к нему девочек водил – и там мы занимались непотребными делами.

– Дело молодое.

– Да, конечно. Я написал об этой нашей встрече, которая не состоялась. Что самое интересное: он был таким же, каким я его помню в Москве. Так же всегда носил с собой папку под мышкой, какой-то вырванный из контекста человек.

– Но были такие столпы идеологического фронта: Станислав Кондрашов, Александр Бовин, который дружил с Брежневым – и ему позволялось больше, чем другим; Всеволод Овчинников, Александр Каверзнев, отравившийся в Афганистане... Вы тоже в этом ряду. В то время это была журналистская элита или солдаты партии? Кем вы себя ощущали?

– Те, кого вы перечислили, все входили в номенклатуру. Они были политическими обозревателями – и Кондрашов, и Бовин, и Овчинников, и Юрий Жуков. Я не был политическим обозревателем по должности. Это значит, что у меня не было пайка, доступа в ЦК и разных других привилегий, которыми они пользовались. Юрий Жуков был моим главным противником.

– Он был такой ортодокс.

– Абсолютный. Он всегда говорил, что Стурва очень опасен тем, что своим талантом совращает людей, что является проводником буржуазного стиля в нашей журналистике. Он не мог сказать, что я антисоветчик, поэтому говорил так. У меня с ним были очень сильные столкновения.

– Но это такие стилистические разногласия, как говорил Синявский по поводу советской власти. Хотя вы с Жуковым делали примерно одно и то же, были на службе.

– Ну, конечно. И Жуков по-своему был прав.

– Он вас раскусил.

– Да, именно раскусил. Он понимал, что я подрываю общую стилистику советской журналистики. Или отсутствие ее. Он это понимал всем своим нутром. Поэтому он меня долбил всегда.

– То есть стучал на вас?

– Конечно, стучал. Когда человек, который является не просто обозревателем «Правды», а членом ЦК говорит такое!

– Мэлор, а вы, простите, сотрудничали с КГБ?

– Вот здесь я чист как стеклышко.

– А вас хотели как-то завербовать?

– О, конечно. Они меня просто брали за горло, а я говорил: нет, я не буду с вами сотрудничать.

– Не играли с ними, а вот так решительно, четко, с партийной правотой...

– Да, здесь я хвалю себя за это. Я говорил им, что по профессии журналист и никакой иной профессии не хочу иметь. А они мне: «Может, просто иногда будешь...» «Ничего. – отвечал я. – Ничего!» А знаете, как произошла история с моей высылкой из Америки? В Москве был корреспондентом журнала «Ньюсуик» некий Нагорски. Вдруг «Ньюсуик» публикует номер, на обложке которого Брежнев, но Брежнев как бы скульптурный и весь растрескавшийся. А здесь в Москве всей нашей газетной братией заправлял директор ТАСС, такая сволочь! Показал этот журнал кому надо, и решили этого Нагорски выслать. Конечно, тут же на него повесили, что он работал на ЦРУ и все прочее. А Нагорски был абсолютно чист, ни на какую разведку он не работал. Что сделали тогда американцы? Наивные люди, они взяли и выслали меня.

– Баш на баш? Это как теперь меняют дипломатов из посольств.

– Да, но они выслали меня потому, что я тоже был чист. Что самое интересное: обычно защищают своего журналиста, правильно? Американцы, как положено, защитили Нагорски. Меня никто не защитил, абсолютно. На меня здесь напали, взъелись, что-то страшное. И всей этой травлей руководил директор ТАСС.

«Моим покровителем был Микоян»

– Давайте перейдем в сегодняшний день. Сравните, пожалуйста, уровень журналистики тогда и сейчас. Идеологию мы убираем.

– Мне кажется, что уровень журналистики сейчас ниже, чем был тогда. Тогда существовал такой жанр, как очерк. Сейчас очерка нет. А какие были журналисты, Аграновский например.

– Это он за Брежнева книжки писал?

– Это на его совести. Но он писал прекрасные очерки. Вот этот жанр сейчас исчез. Поэтому я считаю, что нынешняя журналистика более обнаженная.

– Упрощенная?

– Да, что слышат, то и пишут. Те советские журналисты, которых вы назвали, были, по сути дела, писателями.

– Да, можно еще вспомнить Игоря Фесуненко, который писал про бразильскую сборную по футболу. У вас тоже вышла книжка про чемпионат мира в Англии 1966 года.

– Она сделала меня всемирно известным. Ни одна другая книга не принесла мне такой популярности, как эта. Футболом были, конечно, заражены все. Но если говорить о журналистике, теперь стало писать легче.

...Знаете, я вспомнил историю с Бовиным. Сидим мы с ним в Доме журналиста. Бовин выделялся своим телосложением. Тут молодые журналисты увидели Бовина, сразу его окружили, а я сижу спокойно. Потом он говорит: «Вот это Стуруа» – и, знаете, они все его забыли, бросились ко мне. Да, Бовин имел возможность

сказать больше, чем мы, и за это не поплатиться. Не только сказать, но и написать. Я помню, как он несколько раз что-то писал, возмущенный Громыко звонил и говорил: «Что это за безобразие?!», – но так как Бовин был другом Брежнева и Андропова, Громыко ничего не мог сделать.

– А у вас был такой покровитель?

– Был.

– Неужели Шеварднадзе?

– Нет, Микоян. Он был обязан жизнью моему отцу. В свое время они сидели в Шамахинской тюрьме в Баку, и их тоже ожидала судьба 26 бакинских комиссаров. Отец предчувствовал, что дело этим кончится. Он дал взятку начальнику тюрьмы и сказал, когда будут освобождать какого-то человека на «ян», пусть он отпустит Микояна. Кстати, много лет спустя, когда мой отец был председателем президиума Верховного совета Грузии, к нему пришел какой-то человек и говорит: «Товарищ Стурау, я пришел по поводу пенсии». – «А кто вы такой?». – «Я бывший начальник Шамахинской тюрьмы». И отец с возмущением ему: «Убирайся отсюда и будь счастлив, что тебя еще не арестовали».

– Когда о журналистах говорят «вторая древнейшая профессия», как вы к этому относитесь? Вы никогда никому не продавались?

– Никогда такого не было. Кстати, я же международник, с чего меня покупать. Если бы я писал по внутренним проблемам, тогда еще можно. Как-то на открытии американской выставки я оказался на «кухне», где сцепились Хрущев и Никсон, и все, что они говорили, записал. Приехал в «Известия», показал Аджубею, главному редактору. Он говорит: «Ух, как здорово, мы это напечатаем». Но пришлось эту же статью послать в «Правду», где она вышла за подписью какого-то правдинского начальника.

– Один и тот же текст в «Известиях» под вашей фамилией, а в «Правде» под другой?

– Да, что хотели, то творили. Это редактор «Правды» Сатюков так распорядился.

– А помните, у Высоцкого: «Завцеха наш, товарищ Сатюков, недавно в клубе так скакал»? «Разговор у телевизора».

«Надо совершить террористический акт против президента Рейгана»

– С кем из генеральных секретарей вы были знакомы лично? Со Сталиным?

– Я был еще юношей и заехал за Сергушем Берия, сыном Лаврентия Павловича. Мы приехали в особняк к Сталину и стали играть в бильярд: я с Сергушей, а Сталин с Берия. Сначала я думал поддаваться, но Сталин играл плохо, вообще не умел играть. И я понял, что надо кончать. А Сергуша Берия потом сказал: «Ну что, Сталин же не может быть во всем гениальным».

– Хрущев?

– С Хрущевым я был очень близок, потому что сопровождал его во всех поездках по странам Востока. Он меня называл Черный. «Черный, иди сюда!» – так и говорил.

– За цвет волос?

– Да, у меня тогда была пышная черная шевелюра, густые волосы. Хрущев был хитрый мужичок, конечно, абсолютно безграмотный, хотя кончал какую-то сельскохозяйственную академию. Конечно, очень талантливый, все-таки он был первым человеком великого государства, переиграл самого Берия. Был один американский журналист Энгоян. Хрущев ему говорил: «Вот ты, Энгоян, плохой армянин, а наш Микоян – хороший армянин».

– Брежнев?

– Брежнев с Картером встречались в Вене. Брежнев уже был совсем плохой, его охрана выносила. Когда Картер ему что-то говорил, Брежневу подкладывали бумажку с ответами, что надо

сказать. Когда Картер и Брежнев вышли на крыльцо, рядом никакой охраны не оказалось, вдруг Брежнев чуть не поскользнулся, и Картер его подхватил. Нашим это понравилось, они дали указание нам всем, чтобы про Картера плохо не писать. Потом была пресс-конференция. Американские журналисты задают вопрос нашему пресс-секретарю: «Как здоровье Брежнева?» Тогда я поднимаю руку и спрашиваю у американского пресс-секретаря: «Господин такой-то, а каково политическое здоровье Картера?» Все захохотали. А нам-то дали указание Картера не трогать. Возвращаюсь в Москву, иду в столовую, вдруг смотрю, меня люди сторонятся. Думаю, что такое? Наконец приезжает Суходрев, переводчик Брежнева, подходит ко мне: «Мэлор, ты хорошо сказал!» Уже люди стали на меня смотреть благожелательнее. Дальше приехал сам Громыко, говорит: «Товарищ Стуруа, я вас поздравляю». И тогда все ко мне бросились: «О, Мэлор, как ты ловко задал вопрос!» А до этого они все меня сторонились.

– Ну вот, видите, это и есть вторая древнейшая, когда нос по ветру... А с Андроповым были у вас какие-то контакты?

– Нет, с Андроповым абсолютно никаких. Когда он был генсеком, я был за границей.

– Ну, Черненко мы пропустим. Горбачев?

– А вот с Горбачевым у меня были очень интересные встречи. Я от него добивался одного, всегда ему говорил: «Михаил Сергеевич, назовите мне дату, когда вы перестали быть коммунистом». И он никак не мог ответить мне на этот вопрос.

Горбачев приехал в Америку, в Фултон. Тут я опять пристал к Горбачеву с этим вопросом. Он ко мне хорошо относился, говорил: «Вот Мэлор в этом прав». Это если я был прав, как он считал. Помню, один раз я написал такой комментарий, что Ленин не был генеральным секретарем ЦК КПСС, а был председателем Совнаркома. Так я писал: почему бы Горбачеву не передать кому-нибудь или ликвидировать пост генсека, а стать президентом Советского Союза. Принес эту статью в «Известия», а ее

забраковали. Тогда я пересек площадь Пушкина и отдал Егору Яковлеву в «Московские новости». Егор прочитал, ахнул и напечатал. На следующий день вся корреспондентская рать, которая была в этот момент в Москве...

– Звонили?

– Не то что звонили, штурмовали меня. Все собрались в моем кабинете, спрашивают: «Слушайте, статья написана вами по указке?» – «Нет». – «Не может быть!» – «Клянусь богом, чем хотите. Это я написал сам». Они так и разошлись, мне не поверив.

– А потом это случилось, Горбачев таки стал президентом. Ну, а с Ельциным как у вас было?

– С Ельциным у меня не было интересных встреч. Но когда он приехал первый раз в Соединенные Штаты...

– Когда два раза облетел вокруг статуи Свободы и сказал, что стал в два раза свободнее?

– Да, но его тогда в Америку, по сути дела, приволокли я и Дмитрий Саймс. Пригласили его на смотрины, показывали. «По улице слона водили...»

– Путин?

– С Путиным я познакомился, когда он был заместителем Собчака, в Ленинграде. Туда приехала команда американских бизнесменов. Путин нам устроил обед в каком-то загородном доме. И там владелец гостиницы «Рэдиссон-Славянская» спросил его: «Господин Путин, а что делается в этом доме?» – «Ничего. Это у нас дом для гостевых приемов», – ответил Путин. «Ну, вы живете шикарно!» – восхитился бизнесмен. Что касается нынешнего Путина, то я с ним никаких связей не имею.

– Вспомните ваш самый страшный журналистский случай.

– Самое страшное я помню хорошо. Это было в Вашингтоне. А у

нас так: если мне кто-нибудь звонит и меня нет дома, этот звонок автоматически переходит к портье, который все записывает. Какая-то сволочь позвонила, меня нет дома, портье поднимает трубку – и там: «Надо совершить террористический акт против президента Рейгана». Какой-то провокатор. Портье испугался, позвонил в секретную службу, и они меня тут же сцапали. Причем я как раз с женой ехал на машине, они остановили меня. Я жене сказал, чтобы она быстро бежала в наше посольство. Меня привели в какое-то подземное помещение, бункер. Я говорю: «В чем дело?» Они объяснили. И тут я не растерялся, сам набросился на них: «Вот до чего вы довели страну, смотрите, какие вещи у вас творятся. Безобразие!» Они были ошеломлены.

– Лучшая защита – это нападение.

– Да. Честил их в хвост и в гриву. Они, конечно, поняли, что это была провокация, извинились, и меня отпустили. Но я очень перепугался, очень.

– Самый смешной случай?

– Моя встреча с Ричардом Бертоном. Это был знаменитый первый Международный кинофестиваль в Москве. Помню, там Джина Лоллобриджида была, еще какая-то звезда. Они оделись в одинаковые платья, был скандал. Ричард Бертон тоже приехал в Москву, он играл президента Тито в каком-то югославском фильме. И что-то он захандрил, наверное, с Элизабет Тейлор какая-то была очередная неувязка. Наш министр кинематографии сказал мне: «Мэлор, давай выручай, растормоши его. Он в таком-то отеле». Я приехал к нему в гостиницу, он явно не в себе. Пригласил его в «Арагви». Когда мы уходили, он крикнул коридорной: «Если Лиз Тейлор позвонит, скажите, что меня нет». Я перевел, девочка, дежурная по этажу, с ума сошла. За нами сразу увязались американские репортеры. Я заказал на всех. А потом они разбежались, мы сидим с Ричардом вдвоем за столом, а вокруг куча пустых бутылок. Так нас и сфотографировали, ну вот типа алкоголики. Потом эта фотография

появилась во всех американских газетах, а подпись гласила: «Знаменитый выпивоха Ричард Бертон и выпивоха сам по себе, советский журналист Мэлор Стуруа». Я испугался, пошел к девочкам, которые распространяли иностранную печать, и попросил вырезать это фото. А иначе был бы скандал.

MIKRU

Александр Мельман